

Реакция в Германии

1842, источник: [здесь](#). Фридрих Шеллинг: *Pro et contra*. Творчество Фридриха Шеллинга в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология Издательство Русского Христианского гуманитарного института, Санкт-Петербург, 2001.

Они¹ так же ясно, как и мы, сознают, что наше время есть время противоположения; они соглашаются с нами, что это

— дурное, в самом себе разорванное состояние, но вместо того, чтобы, доведя его до конца, помочь ему перейти в новую, утвердительную и органичную действительность, они хотят путем бесконечной "постепенности" вечно сохранять это в его нынешнем существовании столь убогое и чахоточное состояние. И это есть прогресс? Они говорят позитивистам:

"Сохраняйте старое, но одновременно позвольте отрицателям мало-помалу разрушать его"; отрицателям же они говорят: "Разрушайте старое, но не сразу и не совсем, чтобы у вас всегда оставалось какое-нибудь дело", т. е. "оставайтесь каждый в своей односторонности, а мы, избранные, сохраним наслаждение цельностью для себя"

— жалкая цельность, какою могут удовольствоваться только скудные души! Они отнимают у противоположения его движущую, практическую душу и радуются тому, что могут произвольно расправляться с ним. Великое нынешнее противоположение вовсе не есть для них практическая сила современности, которой безоглядно должен предаться каждый живой человек, если он хочет остаться живым, а не только теоретическою забавою. Они не проникнуты действительным духом времени, а потому они

— безнравственные люди. Да, они, столь много похваляющиеся своею моральностью, являются людьми безнравственными, ибо нравственность вне блаженно-творящей церкви свободного человечества невозможна. Им нужно повторить то, что автор Апокалипсиса говорил современным ему соглашателям:

"Ведаю дела твои; ты ни холоден и ни горяч; о если бы ты был холоден или горяч!"

"Но раз ты тепел, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст моих".

"Ты говоришь: я богат, сыт и ни в чем не имею нужды, а не знаешь, что ты несчастен и жалок, нищ, слеп и наг".

Но, скажут мне, не возвращаетесь ли Вы с Вашими абсолютно, вне друг друга находящимися крайностями к абстрактной точке зрения, давно преодоленной Шеллингом и Гегелем? Разве этот так высоко ценимый Вами Гегель не сделал сам весьма важного замечания о том, что в чистом свете можно увидеть столь же мало, как и в абсолютной темноте, и что только конкретное единство обоих делает вообще возможным зрение? И

разве великая заслуга Гегеля не состоит как раз в доказательстве того, что каждое живое существо лишь потому жизненно, что его отрицание находится не вне его, а в нем, как имманентное условие жизни, и что если бы оно было только положительно и имело отрицание вне себя, то оно было бы неподвижно и безжизненно? Все это, господа, я знаю прекрасно! Я согласен с вами, что, например, живой организм только потому и жизненен, что носит в себе зародыш своей смерти; но если вы хотите цитировать мне Гегеля, то цитируйте его полностью. Тогда вы увидите, что отрицание остается условием жизни данного организма лишь до тех пор, пока оно находится в нем, как определенный момент в его цельности, но что в известном пункте постепенное действие отрицания внезапно прекращается, так что последнее превращается в самостоятельный принцип, и этот момент есть смерть этого определенного организма, момент, который в философии Гегеля характеризуется как переход природы в качественно новый мир, свободный мир духа.

То же повторяется и в истории: принцип свободы в теории, к примеру, давал о себе знать еще в былом католическом мире с самого начала его существования; принцип этот был источником всех ересей, которыми так богат был католицизм. А без этого принципа католицизм был бы инертен, так что этот принцип был вместе с тем принципом его жизненности, но лишь до тех пор, пока он оставался просто элементом в цельности католицизма. Вот так-то постепенно и зарождался протестантизм; начало его относится к началу самого католицизма; но однажды эта постепенность оборвалась, и принцип теоретической свободы возвысился до самостоятельного, независимого принципа. И только тут противоположение проявилось во всей чистоте, и вы, господа, вы, называющие себя протестантами, очень хорошо знаете, что ответил Лютер² соглашателям его времени, когда они предложили ему свои услуги.

Вы видите, что мой взгляд на природу противоположения не только логически верен, но подтверждается и историческими фактами. Но я знаю, что вам никакими доказательствами не поможешь, потому что вы в своей безжизненности ни за какое другое дело не беретесь так охотно, как за переделку истории по-своему. Недаром вас прозвали сухими правщиками!

"Мы еще не разбиты,

— быть может, ответят мне соглашатели,

— все, что Вы говорите о противоположении,

— верно; только в одном мы с Вами согласиться не можем, а именно в том, что в наше время дела обстоят так скверно, как Вы утверждаете; конечно, в настоящем есть много противоположений, но они вовсе не так опасны, как Вы уверяете. Взгляните: везде спокойно, движение повсюду улеглось. Никто не помышляет о войне, и большинство народов и живущих ныне людей напрягают все свои силы, чтобы сохранить мир, ибо они хорошо знают, что материальные интересы, которые, по-видимому, стали теперь главным делом политики и общей культуры, без мира не получают удовлетворения. Сколько представлялось серьезных поводов к войне и к ниспровержению существующего порядка вещей, начиная со времени июльской революции и до наших дней! На протяжении этих 12 лет создавались такие запутанные положения, что трудно было ожидать их мирного

разрешения; бывали такие моменты, когда всеобщая война была почти неизбежна и когда нам угрожали страшные бури,

— и все же постепенно все трудности разрешились, все оставалось спокойным, и мир, по-видимому, навсегда снизошел на землю!"

Мир, говорите вы; и это вот называют миром! Я, напротив, утверждаю, что еще никогда противоположности не выступали в такой резкой форме, как сейчас, что вечное противоположение, остающееся всегда одним и тем же во все времена, только все более усиливается и развивается на протяжении истории; что противоположение свободы и несвободы в наше время, столь сходное с критическими периодами языческого мира, дошло и поднялось до своего последнего и высшего предела. Разве вы не читали на фронте воздвигнутого революцией храма свободы таинственных и страшных слов: Liberté, Egalité и Fraternité

— и неужели вы не знаете и не чувствуете, что эти слова означают полное уничтожение существующего политического и социального строя? Разве вы ничего не слышали о бурях революции и разве вы не знаете, что Наполеон, этот мнимый укротитель демократизма, в качестве достойного сына революции распространил победоносною рукою ее нивелирующие принципы по всей Европе? Быть может, вы что-нибудь слышали о Канте, Фихте, Шеллинге и Гегеле? Или же вы действительно ничего не знаете о философии, выдвинувшей в интеллектуальном мире тот же нивелирующий, революционный принцип, а также принцип автономии духа; и неужели вы не понимаете, что этот принцип находится в глубочайшем противоречии со всеми ныне существующими положительными религиями, со всеми современными церквями?

"Да,

— ответите вы мне,

— но ведь все эти противоречия отошли уже в область истории; революция в самой Франции побеждена мудрым правлением Луи-Филиппа³, а новейшая философия недавно превзойдена одним из ее величайших основоположников, самим Шеллингом. Противоречие ныне разрешено повсюду, во всех областях жизни". И вы действительно верите в это разрешение, в это преодоление революционного духа? Неужели вы слепы и глухи и не видите и не слышите того, что вокруг вас происходит? Нет, господа, революционный дух не побежден; он только снова ушел в себя, после того как его первое появление потрясло весь мир в его основаниях; он только углубился в себя, дабы вскоре снова проявиться в качестве утверждающего, созидającego принципа и, если мне дозволено будет употребить здесь выражение Гегеля, роется теперь, как крот под землю; а что он трудится не напрасно, это вы можете увидеть по тем многочисленным обломкам, которыми покрыта наша религиозная, политическая и социальная почва. Вы говорите о разрешении, о примирении! Оглянитесь только вокруг и скажите мне, что осталось живого от старого католического и протестантского мира? Вы говорите о преодолении принципа отрицания! Неужели вы ничего не читали из Штрауса⁴, Фейербаха, Бруно Бауэра⁵ и не знаете, что их сочинения есть у всех на руках? Разве вы не видите, что вся немецкая литература, книги, брошюры,

газеты, даже сочинения позитивистов бессознательно и невольно проникнуты этим духом отрицания? И это вы называете примирением и спокойствием?!

Вы хорошо знаете, что человечество, следуя своему высокому назначению, может умиротвориться и успокоиться только на универсально-практическом принципе, принципе, который мощно охватывает тысячекратно различные проявления духовной жизни. Но где же этот принцип, господа? Ведь и вам в течение вашей иначе столь печальной жизни тоже приходится переживать живые, человеческие моменты,

— моменты, когда вы отбрасываете мелочные побуждения своей повседневной жизни и тянетесь к истине, к великому, к святому. Ответьте же мне откровенно, положив руку на сердце, нашли ли вы где-нибудь что-либо живое? Нашли ли вы среди окружающих нас обломков тот страстно желанный мир, где вы могли бы целиком отречься от себя и вновь возродиться в этом великом союзе со всем человечеством? Не является ли этим миром протестантизм? Но он отдан во власть ужасающей анархии; на какие только разные секты он не распался! "Без великого всеобщего энтузиазма могут существовать только секты, но никак не общественное мнение",

— говорит Шеллинг, а современный протестантский мир как небо от земли далек от того, чтобы быть проникнутым всеобщим энтузиазмом, это

— самый трезвенный мир, какой только можно себе представить! Может быть, искомым миром является католицизм? Но где его бывшее великолепие? Разве не превратился он, некогда царивший над миром, в послушное орудие чуждой ему, безнравственной политики? Или, может быть, вы готовы успокоиться на современном государстве? Да, уж действительно, хорошенькое это было бы успокоение! Государство охвачено сейчас глубочайшими внутренними противоречиями, так как государство невозможно без религии, без сильного общего всем настроения. Если вы хотите в этом убедиться, взгляните только на Англию и Францию; о Германии же и говорить нечего.

Загляните, наконец, в самих себя, господа, и скажите мне откровенно, довольны ли вы сами собою и можете ли вы быть собою довольны? Разве сами вы без исключения не представляете печальное и убогое явление нашего печального и убогого времени? Разве вы не исполнены противоречий? Разве вы цельные люди? Верите ли вы действительно во что-нибудь? Знаете ли вы, чего вы желаете, и можете ли вы вообще желать? Разве современная рефлексия, эта чума нашего времени, оставила в вас хоть одно живое место и разве вы не проникнуты ею насквозь, не парализованы, не изломаны ею? В самом деле, господа, вы должны признать, что наше время

— печальное время, а все мы

— еще более печальные его дети!

Но, с другой стороны, вокруг нас появляются признаки, возвещающие нам, что дух, этот старый крот, уже почти закончил свою подземную работу и что скоро он явится вновь, чтобы вершить свой суд. Повсюду, особенно во Франции и в Англии, образуются социалистически-религиозные союзы, которые, оставаясь совершенно чуждыми современному политическому

миру, почерпают свою жизнь из совершенно новых, нам неизвестных источников и развиваются и расширяются в тиши. Народ, бедный класс, составляющий, без сомнения, большинство человечества, класс, права которого уже признаны теоретически, но который до сих пор по своему происхождению и положению осужден на неимущее состояние, на невежество, а потому и на фактическое рабство,

— этот класс, который, собственно, и есть настоящий народ, принимает везде угрожающую позу, начинает подсчитывать слабые по сравнению с ним ряды своих врагов и требовать практического приложения своих прав, уже всеми признанных за ним. Все народы и все люди исполнены каких-то предчувствий, и всякий, чьи жизненные органы еще не парализованы, смотрит с трепетным ожиданием навстречу приближающемуся будущему, которое произнесет слово освобождения. Даже в России, в этом беспредельном, покрытом снегами царстве, которое мы так мало знаем и которому, может быть, предстоит великая будущность,

— даже в России собираются мрачные, предвещающие грозу тучи! О, воздух душен, он чреват бурями!

ПРИМЕЧАНИЯ

Печатается по: Бакунин М. А. Избранные философские сочинения и письма. М., 1987. С. 221—225.

Впервые была помещена в журнале А. Руге "Deutsche Jahrbücher für Wissenschaft und Kunst" (1842. No 247—251. 17—21 Oktober. S. 985—1002). На русском языке впервые опубликована А. А. Корниловым в его книге "Годы странствия Михаила Бакунина" (Л.; М., 1925).

1 "Они" — имеет в виду группу непоследовательных сторонников "позитивизма" (И. Г. Фихте-младший, поздний Шеллинг и другие, которые выступали "справа" против философии Гегеля, считая "откровение" источником "позитивного" знания), называя их позитивистами-соглашателями, пытающимися занять позицию "центра" между реакционерами и революционерами (и отрицателями).

2 Лютер Мартин (1483—1546) — видный деятель Реформации, основатель протестантизма (лютеранства) в Германии. Отрицая роль церкви и духовенства как "посредников" между человеком и богом, Лютер провозгласил определяющим "внутреннюю" религиозность — веру, даруемую человеку непосредственно Богом.

3 Луи Филипп (1773—1850) — французский король в 1830—1848, из младшей ветви династии Бурбонов; до занятия престола носил титул герцога Орлеанского. В результате Февральской революции 1848 был свергнут и бежал в Англию.

4 Штраус Давид Фридрих (1808—1874) — немецкий теолог и философ, представитель младогегельянства. В период 1848—1849 отстаивал принципы конституционной монархии, после 1866 — национал-либерал, монархист. В сочинении "Старая и новая вера" (1872) Штраус вскрыл эмоциональные корни религиозных верований, таящиеся в чувстве человеческой зависимости от природной закономерности. Идеи Штрауса положили начало Тюбингенской школе протестантской истории религии. Главный труд "Жизнь Иисуса" (2 т. 1835—1836), положивший начало расколу в школе Гегеля, посвящен критике христианских догматов, отрицанию религиозных чудес.

5 Бауэр Бруно (1809—1882) — немецкий философ, приват-доцент Берлинского (1834—1839), затем Боннского (1839—1842) университетов. Первоначально принадлежал к ортодоксальным ученикам Гегеля, затем перешел в лагерь младогегельянцев (левогегельянцев). Отказавшись от основного гегелевского философского принципа — абсолютной идеи, Бауэр поставил в центр своей концепции абсолютное самосознание; движущей силой истории считал умственную деятельность "критических личностей". Бауэр — один из радикальных критиков Евангелия. К середине XIX в. Бауэр эволюционировал вправо, став в конце жизни сторонником Бисмарка.

6 Источник не установлен.